

Михаил Карпенко

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Михаил Карпенко

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Стихи. Поэма

МИНСК
1999

Карпенко М.Ф.

Отцовское поле. Стихи. Поэма. 1999. — 64 с.

М. Карпенко сорок лет жил и работал в Туркменистане. И потому большинство его стихов включают в себя образы и колорит земли восточной, где, можно сказать, и прошла молодость поэта.

Однако, восторгаясь красота́ми суровой природы Каракумов, автор ни на минуту не забывал о родной Беларуси, где «Ягод сладких, ягод кислых и грибов — коси косой...», а у криниц «кристально-бездонных, с водой ключевой, кони пасутся...».

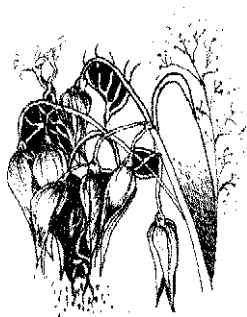
Стихи, вошедшие в эту книгу, автобиографичны, тональны, и по-народному просты.

* * *

И опять зазвенели капли
под веселые песни синиц.
Глухари от любви отупели,
соблазняя подруг у криниц.

Будут схватки потом на поляне.
Брызнет спелой брусникою кровь...
Даже птиц горячит окаянная,
неуемная эта любовь.

Ветер вешний, тревожить не надо
вечно сказочный хвойный простор...
Сторожит глухариную радость
топорами не тронутый бор.

КАСКА

В лугах нашел я каску со звездой —
свидетельницу яростных боев.

Изъела ржа в сообществе с водою
пробитую,
забытую
ее.

Держу в руках не каску —
полпланеты.

Брось под ноги —
и разобьется сталь...

Но я возьму с собою каску эту.

Ее, такую, как солдата,
жаль.

* * *

С неудержимой силой
цвели за хатой вишни...
Ты, помню, обронила:
— Где двое —
третий лишний...

Ушел, не скрыв печали,
приятель твой давнишний.
А мы с тобой встречали
зарю под старой вишней.

И вот — опять пылает
пожаром белым вишня.
Я к сердцу прижимаю
сынишку-шалунишку.

И кажется: нет краше
на свете нашей вишни...
— Ну что же ты не скажешь:
«Где двое —
третий лишний?»

* * *

Пели нам соловьи и зяблики,
белый аист о счастье трубил.
Только вот нашу дружбу,
как саблей,
наговор пополам разрубил.

Я давненько с тобой не беседовал.
Письма слать
в город твой не хочу...
А давай — к тебе в гости приеду я,
снова в сердце твое постучусь!?

И оно непременно растает —
и рванется в объятья
судьбы...
Нет, пускай уж листва золотая
заметает разлуки следы.

* * *

Солнце рысью пряталось у скал,
посылая в небо луч холодный...
Я бывал и сытым, и голодным,
на краю у пропасти стоял.

Был ветрами бит, будто картечью.
В дом впускал, как девушку, зарю...
Злу и лести я противоречу.
Чистоту души — боготворю!

«ГОРОЖАНЕ»

1

Бегут на электричку
Маруськи да Лариски...
У них — свои привычки.
У них не косы — стрижки.

Кофтенки у них венские,
а лифчики — индийские...
Все были деревенские,
теперича — все минские.

2

Без девчат остались Гжать,
Замикитки, Бахари...
Кто же будет там рожать
пастухов да пахарей?..

3

Ванька-грузчик, как барон,
Манька — как царевна,

важно сходят на перрон,
говорят напевно:
— Табе в Жердичы ажно?
— А вам у — Гузюки?
— Мы не вылезим, должно,
с этае грязюки...
— Ну а мне — до фени грязь,
потому как выпимший...
— Ты, кажись, Василий Князь
из села Подкидыши?..
— Фёдор Бык?.. Какой ты стал —
высох, словно аист!
— Я вот пляшку опростал —
и не спотыкаюсь...

4

Колесят туда-сюда
странники извечные.
И уходят в никуда
их года беспечные.

ЛЕБЕДЬ

Убили лебедя на взлете
из безотказного ствола.
Упал и умер он в болоте,
раскинув гордо два крыла.

В рога охотники трубили
с ухмылкой ярой на устах —
искали и не находили
то место, где скончался птах.

Шашлычник юркий, косоротый,
к костру последним подошел...
Он все обследовал болото —
и лебедя таки нашел...

А ночь была белесо-лунной,
такой печальною была,
что даже стихли сосен струны
и замерли, как два крыла,
белевшие печальной мглою
в отсветах яркого костра...
Над заболоченной рекою
клубилась тучей мошкара.

* * *

Зауздать бы мне коня
с гривой белоснежною.
Пусть,
подковами звеня,
мчится в даль безбрежную.

Я с коня не упаду.
В беге не замучаю.
Плавной рысью проведу
по тропе
над кручею...

Так и не найдя твой дом
в светло-красном
сурике,
затеряюсь в голубом
предвечернем
сумраке.

ТРОЙНАЯ УХА

В глуши Полесья,
в речке Вили,
возле кордона Добросей
мы вмиг ведерко наловили
налимов,
щук
и карасей.

Хотелось нам ухи с наваром,
с дымком — такая неплоха!
И вот в кастрюльке
дышит паром
тройная, с искрами уха.

Мы все давно друзья до гроба.
Знаком нам с детства
плес речной...
Ушицу хвалим —
что нам кобальт
с его-то дозой тройной?!

СТАРИК

По-крестьянски все тут просто —
хоть немало суеты...

Старику под девяносто —
да каких годков крутых!

Видел кровь и порох нюхал
на дорогах фронтовых...
Померла давно старуха,
только он вот все в живых.

У него — свое подворье,
куры, поросенок, пес...
Банька старая на взгорье,
сруб криницы в землю врос.

Ни к чему тут красноба́йство,
похвальба тут ни к чему:
натуральное хозяйство —
много ль надо одному?!

А еще — улы-колоды,
козье чудо-молоко!..
Он в свои большие годы
вроде бы живет легко.

Осень птиц утомонила —
людям утомона нет...
Столько внуков привалило —
нарасхват любимый дед.

И к зиме запасы тают:
с легкой дедовой руки
уезжают,
улетают,
уплывают рюкзаки.

РЫБАКИ

И пожимают жесткими руками
мою ладонь, и место мне дают...
Не в первый раз
встречаюсь с рыбаками.
Крута волна,
и хлесткий ветер лют.

Сказали мне:
— Ты здесь — впередсмотрящий.
С поэтом нам не страшен бездны плен...
И все мы дружно полный невод тащим,
баркаса грузного опасен крен...

Я среди них,
как равный член бригады.
Не суетлив, спокоен и смышлен...
Еще отец учил меня
как надо
смолить баркас и гнать его средь волн.

* * *

Морозный ветер дует,
снег заметает след...
У очага колдует
рыжебородый дед.

Под белыми коврами
спокойно спит река.
Тепла, красна углами
избушка лесника.

ХУТОРЯНЕ

Я в Княжицы под вечер
пришел.

Устал слегка.

И вышли мне навстречу
два брата-старика.

Сивые глядят бороды
степенно мужики:

— Откуда к нам?

— Из города.

— А мы — лесовики...

Доволен я, что вяжется
нехитрый разговор:

— Давно живете в Княжицах?

— Из самых давних пор.

— О, вы — как есть элита!..

— Да нет же... Он — Петрусь.

А я, значит, — Микита...

— Занадто хитрый гусь, —
поддел сосед соседа. —

Живет один, как перст.

Ко мне ходит обедать,
а вечером — не ест...

— Ну и язык — мочало! —
Микита вскинул бровь. —
Чье бы телё мычало...
А сам-то ты каков?!
Вдвоем искали счастья
в одной и той избе:
мне улыбалась Настя,
а он ее — себе...
Приворожил, утешил.
У них все — по любви.
А я — один, как леший...
Попал вот в бобыли.
Айда ко мне на ужин!.. —
в глазах Микиты — синь.
— Кому твой ужин нужен?..
А ну с дороги сгинь! —
Махнул Петрусь рукою
и вышагнул вперед. —
Младшак, не спорь со мною —
гость к старшему пойдет. —
И стал о своем брате,
шутя, мне говорить:
— Лучше сгореть в разврате,
чем праведником быть...
Сей человек-обглодок,
оставленный войной,
живет один. Молодок
не водит в угол свой.

— А все-таки — скажите,
кто хутор так назвал? —
Вопрос мой был Миките —
Петрусь, однако, встрял:

— Ты можешь не поверить,
но не мастак я врать...
Тут столько было зверя —
руками можно брать.
Ох-ох!.. — Старик заохал. —
Такая будто связь:
знать, при царе Горохе
сюда приехал князь.
Он жил в лесу неплохо.
И знаешь почему?..
Дворец себе отгрохал,
а рядом с ним — корчму...
С рогатиною смело
медведя князь валил...
И все вокруг гремело —
он, стало быть, кутил.
К нему из-за границы
слетались, как на мед,
и знатные девицы,
и всякий прочий сброд...

Вошли в хатенку, сели.
А окна — настезь все.
Друзья вдруг занемели,
услышав Настин смех:

— Неужто отыскался
мне третий ухажер?..
— Ну-ну, позубоскался, —
послал Петрусь укор.—
Отшил Микиту колись,
а этого — пришью..
— Да я тебя, соколик,
на Соловки сошлю!..

О, бабские посулы!
О, черный воронок!..
Хмелит и сводит скулы
из погреба квасок.
Ну так. Энкеведисты
порядком их трясли..
Потом пришли фашисты —
и хуторок сожгли.

— Не чахли мы,
не кисли.
Мотала нас война.
С Микитой нам на Висле
вручили ордена.

Мы выжили на счастье.
Пришли с войны домой...
И отыскалась Настя —
надежный спутник мой.
Вернулись на свой хутор,
поставили избу...
Живем не так и круто,
но не клянем судьбу.

— Я прихромал к ним
вечером
с пилой и топором.
И хоть весь изувеченный,
но все ж построил дом...

— Не дом возвел — хорому! —
вдруг Настя завелась. —
Зачем она хромоту
безбабнику сдалась?!
— Сманить тебя хотел так, —
смеясь, Петрусь изрек.
— Молчал бы, тарахтелка,
балясины кусок. —
Старуха смотрит хмуро.
Ей седина подстать.
Стройна, легка фигура —
такую поискать.

Микита взгляд не прячет,
в глазах его — огонь.
Небось, сердечко скачет,
поет в душе гармонь...

— Живем себе, не маемся.
И внуки к нам — гурьбой...
В земле кой-как копаемся,
век доживая свой.—
Петрусь потрянул бородкой
и кинул:
— Ужин ждет!..
В портфеле, гость, не водка?
— Она.
— К грибкам пойдет!

...Сидели до утра мы.
Потом был сеновал
с уютностью библейской
и пахом диких трав.
Не жизнь — судьбы ухабы...
Скажу — и буду прав:
жили б все хуторами —
и никакой обвал
из колеи житейской
не выбил мужика бы!..

В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА

Ягод сладких, ягод кислых
и грибов — коси косой...
Я живу у речки Исlochъ.
По утрам хожу босой.

Отдыхаю у орешен,
где желтеет зверобой...
Перед лесом я не грешен.
И ничуть — перед собой.

Проходя лужок с осокой —
синеву не замучу.
И под берегом высоким
я напиться захочу.

Свет-водица ключевая
для души моей — бальзам!..
Дальше — тропка луговая
повела по вересам.

И обжег, как в детстве, ноги
мне сиреневый огонь...
Губит гул с большой дороги
леса утреннюю звонь.

ВАРВАРА

(Быль)

Дебелая, бедовая,
с хитринкою в глазах,
живет Варвара вдовая
в поселке Синь-Лоза...

А не вчера ль с Иванушкой
свела свою судьбу?
По бревнышку,
по камешку
построили избу.

И жили — не тужили.
Иван гужи тянул.
Вот только Гришка Жилин
к Варваре скрытно льнул.

Иван простой,
доверчивый,
не чуял зла в дружке...
Жена ходила вечером
с ведерками к реке.

Однажды Ване Варя
сказала со смешком:
— Эх, в баньке бы попариться,
да свеженьким листком!

И баня уже топится:
суббота как-никак...
Иван спешит-торопится
в зеленый березняк.
Ушел,
как в воду канул.
Пропал Иванов след...
И только лишь к стакану
тянуться стал сосед.

Кричит ночами филин
за баней на дубу...
И смело ходит Жилин
в Иванову избу.

ЕГОР

Сказ

Шли люди дружно на покос,
метали стог за стогом.
А он — грибов корзину нес
из Дальнего Отрага.
Ходил на зайца, на лису,
на бар¹
сука и вепря...
Порой рассвет встречал в лесу
под дождиком и ветром.
Его подворье —
щедрый бор.
Он не хлебал там лиха.
И не печалился Егор,
живя семейно, тихо.
К нехитрой жизни он привык —
другой ему не надо.
Закоренелый лесовик
жил временами в радость.
Ночами зимними с женой
пили чаек с малиной...
Егор доволен был судьбой,

как и своей Ариной.

Себя почествовав вином,
воспрял Егор Жигала,
когда в краю его родном
война забушевала.
Соседи не стыдились слез,
живя в тоске-тревоге.
Жигала злобствовал:
— Колхоз
развалится, ей-Богу!

Днем и ночью за рекой,
у леса синей кромки,
грохотал жестокий бой,
жег машин обломки.
И когда вошла в село
гитлеровцев свора,
в один миг с двора смело
нашего Егора.
Произнес:
— Яволь... Яволь!.. —
и от всего сердца
подал фрицу он хлеб-соль
на белом полотенце.
Офицер спросил в упор:
— Ты не есть колхозник?!

Как зовут тебя?
— Егор...
Ваш я... Не безбожник!
Мой заможный хуторок
власти отобрали.
И я дал себе зарок
держать колхоз в опале... —
Так Жигала битый час
немцу объяснялся:
— Слава Богу, все же вас
я таки дождался!..

Ему было отчего
хвост держать дугою:
он — хозяин, и его
жизнь станет другою!..
— Шевелись, Егор, не спи! —
сам себя он взбучил
и сорвался, как с цепи,
шапку нахлобучив.
Плоскодонку рьяно гнал
супротив течения,
потому как твердо знал:
ждет обогащение...

Не встречаться бы вовек
с мертвым полем брани:

что ни шаг, то — человек...
Своих враги убрали.
Вокруг — смирения печать,
ступал Егор сторожко...
Не стал себя обогащать
солдатскою одеждой.
Седелку он нашел, хомут
и вынес на дорогу.
Подумал:
«Конь где-либо тут
пасется, ей же Богу!..»
С телеги скинул тяжкий тюк,
не тронутый пожаром.
Стал потрошить, как вдруг:
— Цурюк!.. —
сказал фашист поджарый
и в грудь наставил карабин.
Жигала поднял руки,
забормотал:
— Их бин, их бин!..
Я не солдат... Не русский.
Фашист порнул штыком мешок,
произнося с укором:
— Не корошо, не корошо!..—
И выстрелил в Егора.

Солдат сельчане клали в ряд —
могила принимала.

— А этот, вроде, не солдат...
— Да это ж наш Жигала!
— Убили немцы?.. Ой-ей-ей...
Вот те и в «люди» вышел.
— Пойдите, братцы, он — живой!
— Живой, но еле дышит...
Его лечили старики,
были ему, как братья.
А он, сжимая кулаки,
слал Гитлеру проклятья.
Копался в памяти Егор:
«Еще не жил я толком...
Все то, что прежде было —
вздор,
амбиции — и только.
После войны
в колхоз вступаю.
Построю дом кирпичный.
Корову, порося куплю...
И буду жить прилично».

Жигала вскоре в лес ушел —
стал мстителем народным...
Свой первый вражий эшелон
взорвал он возле Гродно.
Не ставил мины на авось —
был ас своего дела...

И только раз не удалось
уйти из-под обстрела...

В могиле братской, у реки,
в центре мемориала
лежит Егор Жигала...

И в День Победы земляки —
живет в народе память! —
идут к нему с цветами.

ГАРМОНЬ

Мороз-огонь —
на попятную...
Дружок взял гармонь
трехрядную.

Пошли за село —
в луга заречьи...
Все следы замело,
даже заячьи.

В глазах у дружка —
океан синий...
Гармонь — в руках,
в волосах — иней...

Поостыл дружок,
покашливает:
— Заберемся в стожок?.. —
упрашивает.

Мне смотрит в лицо,
улыбается.
Разгребает сenco,
старается.

— На гармонь забыл?
— Она лишняя...
Пусть уймет свой пыл,
горемышная.

— Холодно в стогу
без трехрядки!.. —
От дружка бегу
без оглядки.

А он — за мной,
гармонь — за плечи...
Прибежали домой,
сели на печи.

Поет гармонь,
заливается...
В моем сердце огонь
разгорается.

НА ПРИВАЛЕ

С путником ночь коротали
в степной круговерти.
В барханах шакалы роптали,
учуяв себе неподобных,
и, завывая утробно,
желали нам
скорой смерти.

Путник поведал, как пал
его конь,
не выдержав жажды,
несчастный...
Теряя последние силы,
и сам он
готов был почить
в одночасье.
— Гудели усталые ноги...
И жажда томила.
Как вдруг впереди,
у дороги,
блеснув голубою зарницей,
явилась подкова-криница —
и тут же

куда-то уплыла...
Свой взгляд отвести я
не мог —
да и вы не смогли бы!..
Криниц, вроде этой,
сам Бог
вряд ли видел где-либо...
Солнце палящей сигарой
в жухлой траве искрилось...
Мимо пастух шел с атарой —
к озеру путь держал.
Когда он меня увидал,
жизнь во мне
еле тлилась...

Слушая путника,
я вспоминаю Полесье...
Подле криниц там,
кристально-бездонных,
с водой ключевой,
кони пасутся...
И цокот копыт,
окаймленных
подковой стальной,
звучит в моем сердце
нескончаемой песней.

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Поэма

*Светлой памяти моих родителей:
отца — **Федота Евсеевича**
и матери —
Агриппины Терентьевны.*

1

«Коль работать — так работать,
по завязку, до вершка!» —
это заповедь Федота,
хлебороба-вожака.

Он и пашет, он и сеет,
он же и руководит...
И не зря давно алеет
ратный орден на груди.

Гнил у Немана в окопах,
мерз на Брестчине зимой.
Ранен был под Перекопом,
но вернулся все ж домой.

...Быстро годы пролетели —
будто луч блеснул в росе:
десять лет уже артели...
И — одиннадцатый сев.

От болотца сплошь до гая —
поле вдоль на три версты.
Не спеша Федот шагает,
он с землей давно на «ты».
У него — свои приметы,
тонкий ко всему подход.
Он не зря зимой и летом
наблюдения ведет.
Коль туман висит, как вата,
шмель над ивой не гудит, —
значит, сеять рановато,
так и знай — пойдут дожди.
Распустила цвет-колечки
черноствольная ольха —
сей ячмень, а рядом — гречку,
будет тоже неплоха.
Взяла силу медуница,
встал парок над пахотой —
высевай, мужик, пшеницу —
выйдет в колос налитой...
— Стой, Евсеич!.. Ты, как лось тот,
прешь вприпрыжку — не догнать.

Наконец мне удалось вот
и тебя все ж обротать... —
Обхватил Федота сзади
бригадир Артем Глазок. —
К нам начальство...
— Чего ради?..
Из райкома?
— Из райзо!
Велено явиться мигом —
у конторы тебя ждет.
— Показал бы ему фигу...
— Что ты говоришь, Федот?!
Не абы-кто — сам Ломиев
к нам зачем-то прикатил!
— Он, червяк, нутро мне выел...
Не хватает больше сил.

Недовольный, чертыхаясь,
шел Федот наискосок.
Сзади молча, спотыкаясь,
брел задумчивый Глазок.

«Мне такой колхоз не нужен...
Не моя это земля!» —
Горизонт духовный сужен
у Артема до нуля.

С ним и так Федот, и эдак —
не поймет его никак...
Не жалел бы его деток —
сбавился бы от Глазка.

Подошел Федот к начальству
и сказал:
— Поклон вам наш!
— Как понять твое нахальство?!.
Это сущий саботаж! —
завопил Ломиев с ходу. —
Не позволю сев сорвать!
— Ты не мне хамишь — народу...
И придется отвечать.
Сам мужик я и, как видишь,
почитаем мужиком.
— На испуг берешь?.. Не выйдет —
отвезу тебя в райком!..
В небе чистом солнце ярко
улыбалось, как назло.
Задымил Федот сигарку
и сказал:
— Тут — не райзо...
На суглинок голым задом
сядь — и сразу все поймешь:
надо сеять иль не надо...
Ни шиша ведь не нажнешь!

2

Трехрядки голос свеж и чист —
в ней русский лад отменный.
Федот — заядлый гармонист,
гуляка забубенный.

Его крестьянская судьба,
завидная и светлая,
заколосилась, как хлеба,
спустя крутого лета.

И не узнать родимый край —
ушло, исчезло горе!..
И зрел колхозный урожай,
звенел, шумел, как море.

Приехал как-то репортер,
а вместе с ним — Ломиев.
Срывал колосья, в пальцах тер.
— Твоя агрономия!.. —
Подобострастно заключил: —
Забудем спор наш давний. —
И переходный стяг вручил
с символикой державной.

Прищутив глаз, сказал Федот:
— Мужик вас кормит, поит!..
— Ты прав... В колхозный огород
заглядывать не стоит.

Сильна июньская жара!
Повысыхали топи...
Повсюду слышно: «Жать пора!» —
перепела торопят.

3

Не дождались поля
ни серпов,
ни кос
и ни жаток.
Горит земля...
Слышны
причитаньи солдаток.

Дымы по-над нивами,
черная копоть
над хатами...
Волками спесивыми
рыщут враги-супостаты.

Им жертвы нужны:
фашизм — это ада пиявка...

Дотла сожжены
Новый Мосин.
Загарье,
Чернявка...

Залиты кровью
улицы,
стежки,
поляны...
Голосят Просковьи,
Евы,
Марины,
Ульяны...

В руках — лопатка...
Одна,
спозаранку,
Агриппина-солдатка
который уж день
сооружает
землянку.

Надорвала ее,
надломила
лихая
судьбина...
Она горе свое

в своих же слезах
утопила.

4

Вместо хаты —
пепел, камень...
Обгорелый палисад...
— Уцелели б только сами... —
Агриппине говорят. —
Возродим село — и снова
заживем, как и жили.
Ведь село — всему основа,
потому как — от земли
получает все доброты...
Ах, какая жизнь была!
Семерых детей Федоту
Агриппина родила.
Будто розы в палисаде,
души юные цвели...
Хорошо в родимой хате,
своя хата — пуп земли!

Но войны лихие грозы
все изгадили кругом...
Только горе,
только слезы,
только память о былом.

5

Дождь занудливый моросит
с вечера и до утра...
Душ живых в землянке — восемь...
Блохи, сырость, духота.

Без Федота жизнь не сладка —
с ложкой семеро, однак...
Пригорюнилась солдатка:
зиму-то встречать ей как?

Дети голые, босые
за порог не сунут нос...
Впроголодь — метели злые,
злобный впроголодь мороз.

Уцелевшая перина —
сверх соломы яровой...
Прикорнула Агриппина
под усталый ветра вой.

И ей грезится — как будто
рядом с ней ее Федот...

И такой он непробудный,
хоть она к нему и льнет.

Наконец он молвит тихо:
— А нельзя ль огонь зажечь?..
Ты, я вижу, — мастериха:
хороша времянка-печь!

— Это ты о чем, любезный?.. —
Вдруг очнулась ото сна
Агриппина. — Ах!.. Полезный
муженек совет послал.

...И сложила печь-времянку
из обломков кирпича.
И соседи к ней в землянку
приходить стали на чай.

6

Стол прогнулся от закусок
в доме старосты Глазка...
Круг предателей был узок,
но их злоба — широка.

Верховод курил сигарку
и глядел на всех совой:

— Активистов — в одну ямку
с коммуняцкою чумой!..
Я щадить не собираюсь
ни Федотиху, ни тех,
кто, с совдепией смыкаясь,
на себя брал тяжкий грех, —
устрашающе-гундосо
гнул свое Артем Глазок. —
Если нет ко мне вопросов —
можно и на посошок... —
Приложился к медовухе,
крякнул и налил еще:
зазвенело в правом ухе,
сердцу стало горячо...
Как же, он теперь — хозяин,
повелитель и судья.
Не Иисус Христос — так Каин!..
На плаву его ладья.

...С ходу выломана дверь,
окна — вышиблены.
— Встать, подонки!
— Руки вверх!
— Ишь, как вышкалены!..
Партизаны дом в кольцо
взяли тесное.
Среди бравых удалцов
есть и местные.

7

На Цаплиной Даче
Ефрем Зобов жил.
Он был раскулачен —
и злобу таил.

Семью он берег,
как ока зеницу...
И как-то же смог
уйти за границу.

С сынами Европу
всю сколесил...
Григорий, Прокопий,
Пахом и Василь

в смурое время
вернулись домой.
Ущербное семя —
и колос такой...

Как с того света
возникли вампиры.
Мышиного цвета
одеды мундиры.

Четверо братьев
убийцами стали.
Хулу и проклятья
сельчане им слали.

...Подъехали утром
к жилью Агриппины —
и Зобовых будто
сорвало с машины.

Все, четверо, вмиг
окружили землянку...
— Щенков-то своих
увела в партизанку, —
промямлил Пахом. —
Опоздали с расплатой... —
Выбил дверь сапогом
и кинул гранату.

Прокопий надбровье
задумчиво свел:
— Едем к Прасковье...
Ее новосел —
нацмен-окруженец,
кажись, командир...
Якут он иль ненец —

немецкий мундир
и ему подойдет.

Пахом:

— Он контужен...

— Пустим в расход!..

Такой нам не нужен.

Гудела машина.
Пылила дорога...
Сработала мина
у Мокрого Лога.

Зобовы-братья
свое получили:
за смертью гоняться —
их смерть отучила.

8

— Терентьевна, глядите,
кого мы привели!..

— Ройза руководитель?..

Где вы его взяли?!

Ломиев, черт продажный,
поверил в немчтуру?..

— Я при смерти был дважды...

И сей раз не умру!

Скажи им, Агриппина, —
пусть берегут меня...
В СД сидит дивчина —
племянница твоя.
Ее врасплох на явке
накрыли нюхари...
Зачем же ей в удавке
висеть, черт побери?..
Мне жалко ее стало —
и я перед тобой...
— Терентьевна, он сала
бочонок вез с собой, —
сказал разведчик Шура. —
Ох, что-то тут не так...
По-моему, он — шкура...
Его дела — табак!
Ломиев ухмыльнулся:
— Ты, друг, не горячись...
Тебе я подвернулся
случайно... Так, кажись?
Я не служу фашистам —
я в лапы к ним попал...
Какой я бургомистр?..
Я жизнь свою спасал!
Мне вовсе не до чина —
не мил мне белый свет...
Поверь мне, Агриппина,

я не убийца, нет!
И тут мне не пристало
болтаться на суку...
Я, думаю, за сало
ты мне пожмешь руку?..
Минет неразбериха —
всему ведь свой резон... —
Ломиев чинно-лихо
отвесил ей поклон. —
Спасти девчонку надо,
а значит — и меня...
И вот еще — блокада
готовится... На днях
ушел от вас лазутчик —
он, вроде, не мужик... —
Разведчику: — Голубчик,
слышь?.. Руки развяжи!
— Уж мой-то глаз наметан,
и я не идиот...
Терентьевна, не врет он?
— Похоже, что не врет...
Идем-ка в штаб скорее —
и там пусть говорит.
— Ну вот, уже теплее,
едрит-твою-едрит!.. —
Ломиев оступися
и носом в мох упал. —

Давно не матерился,
а как сюда попал —
прорвало... И я снова
как будто бы в раю...
Рипиша, твое слово
решит судьбу мою...

Ломиев-бургомистр —
услужлив, лют и быстр —
вешал коммунистов,
но так, что сам был чист.
Он без энтузиазма
уехал на войну.
сдался в плен под Вязьмой,
и продан в плену.
Все делал он умело —
подлец и есть подлец.
Земля под ним горела...
И вот — всему конец.
Просторная поляна
сурова и строга —
судят партизаны
заклятого врага.
К стоящим двум осинам
пригвожден шесток...
Ломиев стал весь синим —
от страха впал он в шок.

Пошла земля кругами,
затмилась синева...
Под вражьими ногами
пожухла трын-трава.

9

Листва морозцем тронута,
на кленах желтизна.
Крошила, будто молотом,
окрестности война.
Фашистов колесница,
теряя силу-прыть,
подстреленной тигрицей
ползла в свой рейх почить.

Пришла на попелище
Федотова семья.
Голодная и нищая,
но, слава Богу, вся.

Густым чертополохом
заглушен огород,
хоть ахай или охай —
война свое берет.

Разрушена землянка
и залита водой...
Живи-горюй, крестьянка,
наедине с бедой.

В семье без хлеба туго,
не лучше — без лаптей...
Но где найти ей угол
и приютить детей?..

Сельчане выручали —
такое не впервой:
в кого-то ночевали,
к кому-то шли с сумой...

10

Идет весна...
Теплынь царит в округе.
Просохли, зарумянились поля.
За дни войны
истосковались руки
у хлеборобов по тебе, земля.

Уже стрельнули
почками березки.
И задымилась пыль

над большаком...

И начали

распахивать полосы,

нарезанные старостом Глазком.

Весна торопит:

хлебороб, не мешкай —

своей

крестьянской честью дорожи.

Используй каждый день

погожий, вешний,

под урожай фундамент залож.

Отсутствовала тягловая сила —

ни клячи не осталось, ни вола:

война ее железом истребила

или с собой на запад увела.

Повсюду на лопаты налегали

измученные дети, старики...

И женщины,

в отвальный плуг впрягаясь,

тянули ляжки, будто бурлаки.

Земля

теплом и свежестью дышала.

Блестела черным хлебом борозда...

Из глаз

сельчан жестокость исчезала
и уходила вместе с ней беда.

11

Щавель, грибы, малина —
в лесу припасы все...
Крутилась Агриппина,
как белка в колесе.

Федот писал ей скупое:
«...пошел сопливый фриц —
коли не сгину глупо,
то буду долго жить!»

К Агриппине вскоре
приехал депутат:
— Облегчим ваше горе —
спасем ваших ребят...
Вчера на исполкоме
решен был ваш вопрос:
расходы все о доме
взял на себя колхоз.

...И посветлела улица
от бревен желтизны.

И домом все любуются,
крыльцом его резным.
И в окна на околицу
глазеет детвора.
— Чего ж наш папка познится?
Прийти ему пора!

12

Великий Сорок Пятый...
Повержен враг!
И вот —
к теплу родимой хаты
пришел с войны Федот.

— Эх, небо бирюзовое,
седая пыль дорог!..—
Он сапоги кирзовые
снял с одубевших ног.—
Бегом ко мне, зайчата!..
Ну?.. Стали все в кружок. —
И развязал измятый
походный вещмешок.

И сухари солдатские,
и сахар-рафинад —

все поровну, по-братски
делил. И сам был рад.

Супруге Агриппине
лихой солдат припас
простой платочек синий —
под цвет любимых глаз.

Свернул Федот сигарку
и смачно закурил.
— Давай-ка, женка, чарку! —
шутя проговорил. —
Не привык к стаканам,
не люблю быть пьяным.

— А мы других — не хуже!..
Ждала я этот час —
приберагла для мужа
бутылку первача...

Доставала из печи
Агриппина калачи —
мягкие, румяные,
вкусные, желанные.

...Сидели, говорили,
кумекая о том,

что надо жить, как жили,
довольствуясь трудом.

13

— А давай, Рипиша, вспомним
молодецкие деньки!..

Что беседа без гармонии,
без малиновой тоски?!.

Я с гармошкой пел и плакал
у седого Сиваша...

А сегодня я — гуляка,
и поет моя душа!

Вот, купил себе привабу...

— Да я вижу, не винись.

Ты меня, дурную бабу,
взял гармошкою колись...

— Посидим под старой вишней,
поиграем, попоем...

— Что ты, друг мой горемышный,
лучше к паперти пойдем.

— Я хожу на берег речки,
чтобы выплакать беду.

Ох, болит мое сердечко
так, что места не найду.

Гуси-лебеди летите —
буду ждать у бережка.

Вы могилу отыщите
убиенного дружка. —
Изливала душу Тоня —
Антонина Шагова.
А Евсейч на гармонии
ей навзрыд подтягивал.

— Ты, подружка, не горюй,
беленькая утица,
выходи встречать зарю —
и беда забудется. —
В кудрях с желтым колоском
Зайчикова Мила
благозвучным голоском
припев подхватила.

Чуть покруче взял аккорд,
грусть-тоску отбросив,
музыкант лихой, Федот.
И запела Фрося:
— Не хочу я чая пить,
не хочу заваривать.
Не хочу ребят любить,
с ними разговаривать.

...По деревне колесила
бесшабашная гармонь.

Она пела-голосила —
душу жгла, словно огонь...

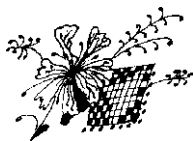
Без ее тоски сердечной
не идет любовь на лад.
И крылечко — не крылечко,
палисад — не палисад.

И закат — совсем не розов.
И погорки — не круты.
И березы — не березы.
И ромашки — не цветы.

Допоздна село не спало:
зелено — не молодо!..
А гармонь все рассыпала
серебро и золото.

14

Кипит работа —
все впрок идет...
Дел у Федота —
невпроворот.

Содержание

<i>* * * И опять зазвенели капли...</i>	<i>3</i>
<i>Каска</i>	<i>4</i>
<i>* * * С неудержимой силой...</i>	<i>5</i>
<i>* * * Пели нам...</i>	<i>6</i>
<i>* * * Солнце рысью пряталось у скал...</i>	<i>7</i>
<i>«Горожане»</i>	<i>8</i>
<i>Лебедь</i>	<i>10</i>
<i>* * * Зауздать бы мне коня...</i>	<i>11</i>
<i>Тройная уха</i>	<i>12</i>
<i>Старик</i>	<i>13</i>
<i>Рыбаки</i>	<i>15</i>
<i>* * * Морозный ветер...</i>	<i>16</i>
<i>Хуторяне</i>	<i>17</i>
<i>В доме творчества</i>	<i>23</i>
<i>Варвара (Быль)</i>	<i>24</i>
<i>Егор (Сказ)</i>	<i>26</i>
<i>Гармонь</i>	<i>32</i>
<i>На привале</i>	<i>34</i>
<i>Отцовское поле (Поэма)</i>	<i>37</i>

Литературно-художественное издание

Карпенко Михаил Федотович

Отцовское поле

Стихи, поэма

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Ж. Яснотка*

Компьютерный набор, обложка и верстка *Д. Андреев*

Ответственный за выпуск *М. Грищенко*